

ездка в прошлое” – 1989, “Кто он?” – 1993, “Белая лошадь” – 1995). Занимая, по мнению некоторых критиков, лидирующее положение, наряду с Солженицыным, в развитии “деревенской прозы” как оппозиционной литературной школы, “представители которой страстно пишут и думают об угнетенном меньшинстве” [2, с. 326], Абрамов тем не менее и противостоит своему знаменитому современнику: если, к примеру, Д. Гиллеспи считает возможным ставить Абрамова в один ряд с Солженицыным [3, с. 71], то Р. Марш подчеркивает контраст взглядов “западника” Ф. Абрамова и “славянофила” А. Солженицына [4, с. 188]. Пусть не полностью, но были выявлены черты, разрушающие попытки критиков “вписать” творчество Абрамова в “колхозную литературу” соцреализма [5, с. 285]. Говоря словами Ю. Мальцева, Абрамов был определен, наряду с Ю. Трифоновым, В. Шукшиным, В. Распутиным и другими свободно мыслящими писателями, в «избранную группу» представителей так называемой “третьей русской литературы” – не советской, не диссидентской, но промежуточной и нейтральной» [5, с. 285].

Однако позже, в связи с публикацией “задержанных” произведений Абрамова, остро встал вопрос об их соотношении со всем остальным творчеством писателя. На волне новой (постсоветской) оппозиционности возник соблазн полного их отделения от опубликованного при жизни писателя. Но здесь логика творческого развития вступает в свои права, предъявляя доказательства обратного – те общие, типические для этого автора, повторяющиеся черты и признаки, которые сближают самые, на первый взгляд, разные его произведения.

Мы можем выделить, по крайней мере, три общие идентификационные доминанты: 1. Утрата идеала и обусловленный ею поиск символа или, говоря словами Дж. Хоскинга, «поиск идеалов, последовавший за смертью Сталина и разоблачением “культы личности”» [6, с. 723] (в абрамовском творчестве, что типично для “деревенской прозы”, это поиск, развертывающийся в символическом поле: “традиционный характер” – “дом” – “конь/лошадь”); 2. Ситуация исчезновения, открывающая возможность ретроспективного взгляда на “старую Россию и ее тысячелетнюю историю, забытую русскую деревню и нравственную традицию” [7, с. 111]; 3. Оппозиция крестьянского самосознания (многовековой мудрости) и господствующей идеологии; “развенчание” коллективизации и проведение, по выражению Дж. Данлопа, «“тихой революции” в умах и сердцах советских людей» [8, с. 81].

Как известно, отечественное литературоведение и критика выдвигала в качестве определяющих совсем иные критерии; поиск положительного героя, изображение колхозной деревни с точки

зрения исторического прогресса (“сельской нови”) и т.п. Притом Абрамов часто рассматривался как писатель, “воспевающий” коллективизацию. Хотя нередко были и упреки в несоответствии канонам – к примеру, как отмечает А. Турков, образ Михаила Пряслина из тетралогии “Братья и сестры” не удовлетворял требованиям критики, ибо герой “не стал еще подлинным хозяином земли...” [9, с. 173]. С другой стороны, и Турков и другие ведущие критики – И. Золотусский, Л. Крутикова-Абрамова и др. – уделили (насколько это было возможно в подцензурных условиях 1960–1980-х гг.) особое внимание не только поиску символа, альтернативного расхожим идеологемам “сельской нови” (в особенности “дома” и “традиционного характера”), но и выявлению его сопряженности с усиливавшимся процессом распада родовых связей. Тот же Турков, анализируя “Дом” (последнюю книгу тетралогии “Братья и сестры”), отмечал, что дом становится символом рода (семьи) и деревни в ее традиционном-ретроспективном аспекте. Рассматривая спор об отце между Михаилом Пряслиным и Виктором Нетесовым, критик обнаруживает связь между родовым грехом отца (Ильи Пряслина) и распадом традиционных отношений, распадом русской деревни [9, с. 140–141].

Именно эта символика в полной мере проявилась в “задержанном” произведении, оказавшемся ключевым для осмысления творчества Абрамова в целом. Речь идет о повести “Поездка в прошлое” (написана в 1963–1974 гг., опубликована в 1989 г.). Наряду с незавершенными произведениями “Белая лошадь” и “Кто он?”, изданными соответственно в 1995 и 1993 гг., повесть стала доказательством того, что “скрытые”, подлинные умонастроения знаменитого советского писателя отнюдь не способствовали “публикабельности” его произведений – частично они писались “в стол”, оставались незавершенными, принимали вид дневниковых записей и т.п.

Однако является ли степень (не)высказанности тех или иных мыслей и чувств доказательством принципиальной противопоставленности неопубликованных и опубликованных текстов, которые – в том виде, в каком они дошли до читателя, – неминуемо причислялись официальной критикой к общему материку “литературы соцреализма”? Отнюдь.

По свидетельству и самого писателя, и его жены Л. Крутиковой-Абрамовой, а также исследователей его творчества, Абрамова не только выдерживали несколько лет под публикаторским “запретом”, но все его основные произведения появились со значительными цензурными сокращениями, сформировав тем самым еще в 1960–1970-х сферу “невывыказанного”, “задержанного” [10, с. 176–196; 11, с. 12–16; 12, с. 7].